

УДК 82.09

DOI: 10.26456/vtfilol/2024.3.049

Е. Ф. РОЗЕН И КРУГ ЖУРНАЛА «МОСКВИТЯНИН» В 1840-е ГОДЫ

Н. В. Куц

Институт мировой литературы им. А.М. Горького, г. Москва

В статье рассматриваются литературные отношения барона Е. Ф. Розена – писателя, переводчика и критика – с кругом журнала «Москвитянин» во второй половине 1840-х годов. Анализируется его полемика с С. П. Шевыревым по поводу книги Н. В. Гоголя «Выбранные места из переписки с друзьями» и печатные выступления Розена против славянофилов.

Ключевые слова: Розен, Гоголь, Шевырев, Хомяков, полемика, славянофильство

К началу 1840-х гг. Е. Ф. Розен утратил связи с пушкинским окружением. Большая часть их оборвалась вскоре после смерти Пушкина, в чем признался сам Розен в статье «Ссылка на мертвых» (1847): «Смерть посредника развязала узел моих сношений с его друзьями и приятелями» [16, с. 271]. В послепушкинском «Современнике» литератор не участвовал. Длительнее всего, по-видимому, сохранялось его личное знакомство с Жуковским, покровительствовавшим Розену во время его службы в должности секретаря наследника престола (1835–1840), но и оно прервалось с выходом барона в отставку. С середины 1840-х гг. поэт, почти всеми забытый, жил с семьей в приобретенном им дачном домике в Полюстрове и публиковал новые сочинения преимущественно в «Северной пчеле» Ф. В. Булгарина и журнале «Сын отечества», в который его пригласил новый редактор, К. П. Масальский, возглавивший издание в начале 1842 г. [10, с. 540]

В «Сыне отечества» с 1842 по 1844 г. и с 1847 по 1849 г. (в 1844–1846 гг. журнал не выходил) появлялись не только стихи Розена (баллады на темы древней и средневековой истории, опыт русской идиллии «Родник», стихотворение памяти Пушкина) и путевые очерки, но и развернутые рецензии (среди них статьи о творчестве Жуковского и Лермонтова).

В 1847 г., после почти трехлетнего перерыва в издании «Сына отечества», Розен, вероятно, выступил одним из инициаторов его возобновления. С начала 1847 г. вплоть до завершения сотрудничества с К. П. Масальским Розен принимал в журнале деятельное участие: был его бесшумным рецензентом и фактически возглавлял отдел критики. О своем вкладе в возрождение «Сына отечества» Розен упомянул в автобиографии-

© Куц Н.В., 2024

ческой «идиллии в октавах» «Загородье на Полуострове» (1848). Рассуждая о том, что теперь, «по должности журнального теурга», он «ведает всех пишущих богов» и «всяческих в словесности духов», поэт писал:

...он *наш* журнал!
Два года ты в волшебном усыпленье,
Любимец мой, как мертвый, возлежал;
Я о твоём желанном пробужденье
Без устали радел и хлопотал!
Нам удалось твоё возобновленье!
И вот журнал идет, идет все вдаль,
Я в радости: прошла моя печаль [15, с. 13].

Розен понимал, что после стольких лет «будто дебютировал» [14, с. 47], оказавшись уже в качественно ином литературном окружении, чем в середине 1830-х гг., поэтому вынужден был подкреплять свои суждения авторитетом Пушкина и представлять себя как «литератора, бывшего в чести, когда и литература была в чести; литератора, с которым наши лучшие современные писатели обращались, как равные с равным» [Там же].

Непросто в это время складывались отношения Розена с его московскими литературными приятелями: М. П. Погодиным, С. П. Шевыревым и А. С. Хомяковым, – с которыми он познакомился в 1828 г., участвуя в «Московском вестнике». Шевырев был постоянным корреспондентом Розена на протяжении 1830-х гг., в переписке с Погодиным еще в 1841 г. барон делился замыслом трагедии о царевиче Алексее Петровиче («Борьба Петра с сыном – такой сюжет, на который можно бы положить всю жизнь свою» [1, с. 15]) и хвалил погодинского «Петра», но к концу 1840-х Розен окончательно отдалился от круга московских знакомых.

Принципиальные разногласия между ними выявились в ходе полемики Розена с Шевыревым вокруг книги Гоголя «Выбранные места из переписки с друзьями», которая велась на страницах «Северной пчелы», «Сына отечества» (с одной стороны) и «Москвитянина» (с другой).

Начало конфликту с Шевыревым положила статья Розена «Поэма Н.В. Гоголя об “Одиссее”», опубликованная в «Северной пчеле» в августе 1846 г. В ней барон подверг критике суждения Гоголя из письма «Об “Одиссее”, переводимой Жуковским». Статья сбивалась на фельетон («“Одиссея” не оценена в Европе! Она, может быть, не оценена на хуторе близ Диканьки» [21, с. 722]) и содержала бестактные замечания о Гоголе («Разве он знает поэтические произведения всех веков? Разве он известный эллинист, ученый, филолог! Увы! Он так далек от этого всего, как нельзя быть дальше!» [Там же]), но свидетельствовала о живом интересе Розена к проблеме и его начитанности в литературе о «гомеровском вопросе». В.Г. Белинский в рецензии на второе издание «Мертвых душ», опубликованной в начале 1847 г. в «Современнике», оценил это высту-

пление Розена следующим образом: «В прошлом году вдруг появилась статья Гоголя о переводе “Одиссеи” Жуковским, до того исполненная парадоксов, высказанных с выпенными претензиями на пророческий тон, что один бездарный писатель нашел себя в состоянии написать по этому поводу статью, грубую и неприличную по тону, но справедливую и основательную в опровержении парадоксов статьи Гоголя» [3, с. 51–52]. Несмотря на тон статьи, многие современники находили розеновскую критику убедительной, о чем сообщал Шевырев в письме к Гоголю осенью 1846 г. [7, с. 429]

Печатная полемика Розена с Шевыревым разгорелась не в это время, а позже: в начале 1848 г., уже после выхода «Выбранных мест...» (1847). Обозначим ее ключевые эпизоды:

1. Статья Шевырева о гоголевской книге, напечатанная в «Москвитянин» в январе 1848 г. [22]
2. Фельетон Булгарина «Журнальная всякая всячина» в номере «Северной пчелы» от 14 февраля 1848 г. [5]
3. «Ответ С.П. Шевыреву» Розена, напечатанный в номере «Северной пчелы» от 12 марта 1848 г. [19]
4. Статья Шевырева «Ответы» (Булгарину – Барону Розену – «Отечественным запискам» – Белинскому – Несколько слов «Северному обозрению»), опубликованная в апрельском номере «Москвитянина» за 1848 г. [23]
5. «Письмо к “Москвитянину” от барона Розена», напечатанное им в «журнальных заметках» «Сына отечества» в июле 1848 г. [20]

Сам предмет спора в данный момент нас интересует мало. Статья Розена «Поэма Н. В. Гоголя об “Одиссее”» всегда находилась в поле зрения исследователей [23, с. 463–466] и рассматривалась вместе с возражениями Шевырева на нее [4, с. 6–8]. Для нас важнее, что из этой полемики, мелочной и иногда переходившей на «личности», можно извлечь дополнительные сведения о взаимоотношениях Розена и его московских знакомых.

В статье о «Выбранных местах» Шевырев, отвечая, в частности, на критику Розена (не называя его по имени и не ссылаясь на его газетную статью), пояснял неприятие Гоголем предположения Ф. А. Вольфа, «будто бы все творения Гомера – народные песни и рапсодии» [22, с. 18]. Поддерживая мнение Гоголя о том, что «Одиссея» создана творческой мыслью «одного великого художника», сообщившей поэме художественную целостность, Шевырев замечал: «В этом отношении поверим лучше художественному вкусу Гоголя, нежели какому-нибудь полунемецкому критику, который, видно, поверхностно изучал Гомеровы творения» [Там же]. Хотя намек на «полунемецкого критика» допускал двойную трактовку (Шевырев мог иметь в виду немецкую гомеровскую критику после Вольфа), Ро-

зен воспринял его на свой счет. Так же однозначно прочел его Булгарин, в это время предлагавший Розену сотрудничество в «Северной пчеле» [9, с. 387–388]. В газетном фельетоне он возмутился: «Ужели мы должны судить о достоинстве русских литераторов по их племенному происхождению» [5, с. 143], – и заявил: «барон Розен прилежно изучил Гомера», и его мнение «Москвитянину» следовало бы опровергнуть «категорически, как пристойно ученому журналу, без полунемецких эпитетов» [Там же].

Правильность понимания намека своими оппонентами Шевырев подтвердил в статье «Ответы», написав на этот раз прямо: «Что касается до мнения Гоголя о художественной целостности “Одиссеи”, то я, конечно, отдам всегда преимущество художественному его вкусу перед вкусом барона Розена, автора критики на статью Гоголя. Художественный вкус не дается никакою начитанностью. <...> Эпитет полунемецкого критика г. Булгарин отнес прямо к барону Розену. Не отрекаюсь, но и тут сказано одна только правда» [23, с. 108]. Шевырев, в свою очередь, советовал Булгарину, «который столько заботится о соблюдении приличий», обратить внимание на тон розеновских рецензий в «Сыне отечества».

Розен был настолько задет обмолвкой Шевырева о «полунемецком критике», что спустя год включил ее в свое «Загородье на Полнострове», намекнув на «честную братию» «Москвитянина»:

«Полунемецкий критик!» – говорит Лжеаристарх, но милый умник... Дело! Честная братья та мне не простит, Что русским словом действую я смело [15, с. 11].

Через месяц после фельетона Булгарина, в марте, на страницах «Северной пчелы» появился открытый ответ Розена Шевыреву. В нем Розен возражал на антикритику письма Гоголя «Об “Одиссее”...» и признавался в авторстве некоторых анонимных критик в «Сыне отечества»: двух статей о «Московском сборнике на 1847 г.» и двух рецензий на «Римские письма» А. Н. Муравьева. Розен не без основания полагал, что негативное отношение к нему Шевырева было вызвано неудовольствием по поводу суровой критики его «Истории русской словесности» в «Сыне отечества» [19, с. 227]. Статья об издании лекций Шевырева, опубликованная в журнале в январе 1847 г. вместе с редакционным вступлением о критике (написанным Розеном), тоже не имела подписи, и в кругу «Москвитянина» в ее авторстве подозревали разных лиц: Шевырев – Н. И. Надеждина, Погодин – Розена [2, с. 417–423].

В «Ответах», напечатанных в апрельском номере «Москвитянина», Шевырев замечал, что «с сокрушением узнал» о принадлежности рецензий на «Московский сборник» и «Римские письма» барону Розену: «Скажу ему искренно, что я не считал его никогда способным писать такие рецензии» [23, с. 110]. Он добавлял, что признание Розена «не прибавит ничего к его литературной репутации», а только ей повредит, и воздействовал на поэ-

тическое самолюбие барона, замечая, что стихи его, в отличие от прозы, можно узнать «тотчас без подписи» («Это старые знакомые; немецкий их покрой я давно помню» [Там же]). Здесь же Шевырев объяснял «гнев» своего прежнего приятеля на «Москвитянин» (который Розен считал возобновленным «Московским вестником» и называл «ученым Тредьяковским в журналах») тем, что редакция «Московского вестника» в свое время «неохотно» публиковала его стихотворения, а «Москвитянин» «не был гостеприимен к его повестям и критикам» [Там же, с. 109].

Розен отрицал последнее предположение в «журнальных заметках» «Сына отечества». Его ответ имеет характер автобиографического свидетельства, хотя и не во всем точен: «Как мог “М<осковский> вест<ник>” *неохотно помещать* мои стихотворения, когда *ни одного* не поместил, сколько мне известно. (Здесь Розену изменяет память: в «Московском вестнике» было опубликовано одно его стихотворение, «Лето жизни». – Н. К.) <...> В редакцию же “Москвитянина” я не посылал ни критики, ни повести: как же эта редакция могла быть виновата передо мною в негостеприимстве?» [20, с. 24–25] В той же заметке Розен сообщал, что не выписывает «Москвитянин».

Примечательно, что и Шевырев, и Розен во взаимных критических выпадах апеллировали к Пушкину. Шевырев, защищая «Московский вестник» от титула «Тредьяковского в журналах», заявлял: «У Пушкина же “Московский вестник” был на другом счету, потому что Пушкин постоянно в нем участвовал» [23, с. 109]. Он же объяснял благосклонное отношение Пушкина к Розену только тем, что поэт по своему добродушию «хвалил и ободрял всех» [Там же, с. 110]. Розен в ответ на это вспоминал известные ему литературные мнения Пушкина, не вошедшие в мемуарную «Ссылку на мертвых», и замечал, что с «собеседником по сердцу» Пушкин давал современникам совсем иные оценки [20, с. 23].

Отвечая на упрек Шевырева в авторстве строгих критик на «Римские письма» и «Московский сборник», Розен писал: «С не меньшим сокрушением вижу я, что схоластика расстроила ваше сознание добра и зла! <...> Постараюсь и впредь доставлять в редакцию нашего журнала такие рецензии, в которых я сошелся с мнением публики» [Там же, с. 26]. (Розен не преувеличивал, объявив Шевыреву, что в статьях о «Московском сборнике» он «сошелся с мнением публики». Суждения барона оценили даже враждебные ему во всех других отношениях «Отечественные записки»; см.: [8, с. 29].) Там же он объяснял пристальное внимание «Москвитянина» к опечаткам и ошибкам в его стихах тем, что он «сильно нападает на московскую схоластику за парадоксальность ее понятий» [Там же, с. 29]. Под «московской схоластикой» Розен понимал образ мыслей «московской школы», которому были свойственны как присущее «Москвитянину», по выражению Розена, «гоголефильство», так и идеи славянофильства и панславизма.

Позиция Розена в споре славянофилов и западников, по наблюдению В. Э. Вацура, в основных чертах реконструируется из его вступления к рецензии на полное собрание сочинений А. А. Бестужева-Марлинского (написанной в 1848 г., в разгар полемики с Шевыревым и на фоне известий о революциях в Европе). В. Э. Вацуро отмечал, что в представлениях Розена о русском народе и историческом развитии России совмещались «элементы славянофильства и западничества» [6, с. 343–344]. Подобно западникам, Розен считал, что Петр Великий «весь народ выдвинул из его азиатского застоя на путь просвещения», и только после этого Россия вступила в «область Истории» [12, с. 13]; подобно славянофилам, видел в русском народе особое начало, «врожденную внутреннюю стройность», «неразмышляющее чувство нравственности», противостоящее «западно-романскому» (значимая для Розена оговорка) рационализму [Там же]. Определенный отпечаток на рассуждения барона накладывала официальная идеология николаевского царствования («вот уже более двадцати лет» совершается «благодетельная реакция в пользу русского чувства», и о дальнейшем народном просвещении заботится «мудрое правительство» [Там же, с. 12]).

Чтобы дополнить эту характеристику историософских воззрений Розена, обратимся к двум анонимным рецензиям его на «Московский сборник» 1847 г., помещенным в №№ 9–10 «Сына отечества» за тот же год. В них Розен последовательно разбирает ученые и литературные статьи сборника и полемизирует с основными положениями славянофильства. Как и в позднейших статьях (о творчестве Марлинского и о повести К. К. Павловой «Двойная жизнь» [13]), он восстает против идей о «мысленном и бытовом раздвоении» между – по К. С. Аксакову – «публикой» и «народом» и заключает: «Никакая славянская диалектика не уверит нашего общества, что оно оторвано от народа, когда оно чувствует себя на живом корне народности, ею питается умственно и материально и беспрестанно приемлет от нее русский дух и любовь к России, нашей общей матери» [17, с. 2]. Обнаруживая в сборнике сильные панславистские тенденции – в «Письмах из Вены» Н. А. Ригельмана и статье Погодина о Праге, – Розен высказывается о них с особенным неприятием, считая их чуждыми русскому народу заграничными (западнославянскими и южнославянскими) веяниями. По поводу наблюдения Погодина, сравнившего девиз «одной чешской партии» «Мы не славяне, а чехи!» с подобными суждениями в России, он замечает: «Можем ли мы не дорожить именем *Святой Руси* перед тою мелкопоместною славянщиною, центром которой называете вы чешскую Прагу? Просвети Бог сего ультра-славянофила!» [Там же, с. 14] Рассуждая, что южные и западные славянские народы – это «частицы, которые, конечно, по воле Провидения, не вошли в состав великого мира славянского, называемого *Россиею*», он выступает в каче-

стве пангерманиста: полагает, что они рано или поздно «предназначены слиться с миром германским, без сомнения, для пользы сего последнего», так же, как «частицы германского мира» присоединены к России «не без какой-либо благой высшей цели» [Там же]. В том же ключе Розен будет осуждать панславистские симпатии и десять лет спустя [11, с. 25].

В Петре Великом Розен видит выразителя «духовной жизни и гигантской нравственной силы» русского народа, демиурга, который «проникнул Русь своим бессмертным гением» и «соделал ее способною совершать все великое и прекрасное, ожидаемое славянофилами», – и представляет его явление как вознаграждение за века скудного умственного и политического развития Руси, как конечный результат «древней истории русского народа», без которого она была бы «тягостна для нашего чувства», хотя и производила таких мужей, как «Иоанн III, Борис Годунов, Алексей Михайлович» [17, с. 4–5]. Розен сравнивает славянофилов, отрицающих такой взгляд на Петра, с евангельскими книжниками и фарисеями, не признававшими Христа. Славянофилы, по Розену, «также не видят, что и в славянском мире наиблаготворительнейшим образом исполнился завет», что «уже был славянский полубог и положил вековые основания, на которых уже полтора века столь чудесно высится ум и сила нашего отечества» [Там же].

В контексте имперской идеологии и своего культурного самоопределения Розен широко понимает национальность. По поводу статьи А. Н. Попова «Шлецер. Рассуждение о русской историографии», замечая некоторое пренебрежение «немцами», он пишет: «Нам всегда жаль, когда видим мелочное, сокровенное неблаговоление к тем иностранцам (по рождению или фамилии), которые, вписавшись со славою в русскую историю, суть не только *русские*, но и занимают место между *лучшими* природными русскими. И что же такое *природные* русские? Русская земля не родила ни одного русского; народ не создан, как человек, из глыбы земли, но составлен и продолжает составляться из скопления разнородных племен, принявших и принимающих одну общую форму, называемую национальностью. <...> Нет и не может быть относительно русской народности никакого различия между теми, которые одинаково служат русскому царю, едят русский хлеб, говорят и пишут русским языком и действуют для славы и пользы России. Зависть к так называемому *не-русскому* – недостойна величия нашего отечества» [Там же, с. 14–15].

Подробно комментируя статью А. С. Хомякова «О возможности русской художественной школы», Розен отмечает, что она «отличается решительно эксцентрическим славянофильством» [Там же, с. 7]. В его возражениях на тезис о народном характере искусства заметны классицистические симпатии: «Искусство, в своей чистоте, есть атрибут общечеловеческого, по теории, извлекаемой из всей истории художеств. За

исключением только одного народа – эллинского – у всех других народно-индивидуальное в искусстве есть только частная, в истории художеств, конечно, интересная черта, но в отношении к идее и истинной цели их нечто излишнее, ошибочное» [Там же, с. 8]. Розен сожалеет, что ум и начитанность Хомякова применяются «исключительно к неосновательной постоянной идее славянофильства», и замечает об авторе статьи, переходя на литературную «личность», что славянофильство сделало его «бесплодным относительно поэтического творчества», а жизнь в поместье с крестьянами не развила его литературного дарования [Там же, с. 12].

В розеновском обзоре художественной стороны сборника примечательны возражения на критику К. С. Аксаковым (под псевдонимом Имрек) повести В. Ф. Одоевского «Сиротинка» (о крестьянской девочке, воспитанной в петербургском приюте, вернувшийся в родную деревню и начавшей «учить добру крестьянских детей»). Розен замечал о «Сиротинке» Одоевского, что сюжет ее «до высшей степени» естествен: «Деревенское невежество невольно подчиняется влиянию крестьянства же, возрожденного воспитанием» [18, с. 18]. Он предполагает, что Аксаков, «оскорбившийся» этим произведением, является «горячим заступником деревенщины в первобытном виде ее» по той причине, что он «есть, вероятно, русский помещик, живущий и всегда живший в господском доме» [Там же]. Считая, что «г-н Имрек» не знает истинного положения дел в деревне, Розен обращается к собственному опыту жизни в крестьянских домах – на постое во время службы в гусарском полку, – «частенько вместе с земледельцем и семьей его» [Там же]. Пользуясь случаем, Розен в очередной раз опровергает мнение об оторванности дворянства от низших сословий и критикует замеченное им у Аксакова противопоставление «общества» и «народа»: «До сих пор мы думали, что собирательное имя *народ* содержит в себе *все сословия* народа, от крестьянина до князя-вельможи; но из слов г-на Имрек <...> явствует, что под названием *народа* славянофилы понимают один только класс *чернорабочих*, и что он-то есть “могущественный хранитель жизненной великой тайны”» [Там же, с. 19]. Розен признается, что сам, познакомившись «с этим классом» народа, полюбил «его прекрасные свойства и удивительные способности» и искренне считает русский народ «первым народом в мире», но подчеркивает, что имеет в виду не один только «класс чернорабочих». Здесь же Розен развивает идею о постепенном распространении просвещения от высших слоев общества к низшим: «Ни у кого в свете познание само собою не развивается, а надобно трудиться, учиться у того, кто больше знает и поэтому *выше нас!* Неучение – тьма! А великая тайна жизни дышит светом. <...> Благодаря отеческой попечительности правительства *весь русский народ* в непродолжительном времени будет грамотным; и тогда мы с вами потолкуем о классе чернорабочих» [Там же].

Розен выступал против «московской схоластики» с просветительских и «западнических» позиций, тем не менее признавая самобытность исторического пути России и называя русский народ «представителем и единственным выражением всего славянизма». Можно отметить, что и расхождения, и частные схождения Розена с кругом «Москвитянина» во взглядах на историю объяснялись специфическим «западничеством» барона, опиравшимся на Карамзина и Пушкина. Вместе с тем своеобразие представлений Розена о превосходстве русского народа над народами Западной Европы было обусловлено его собственной концепцией органичного соединения в русском народе «славянского» и «германского» начал. Эту концепцию Розен впоследствии будет развивать в трактате «Отъезжие поля» (1857), в котором предпримет попытку доказать происхождение восточных славян от слияния племен скифов и готов.

Список литературы

1. Барсуков Н. П. Жизнь и труды М. П. Погодина : в 22 т. Кн. 4. Санкт-Петербург : Типография М. М. Стасюлевича, 1891. 458 с.
2. Барсуков Н. П. Жизнь и труды М. П. Погодина : в 22 т. Кн. 9. Санкт-Петербург : Типография М. М. Стасюлевича, 1895. 511 с.
3. Белинский В. Г. Полное собрание сочинений : в 13 т. Т. 10. Москва : Изд-во Академии наук СССР, 1956. 474 с.
4. Бознак О. Н. Перевод «Одиссеи» В. А. Жуковского в восприятии Н. В. Гоголя и С. П. Шевырева // Вестник Сыктывкарского университета. Серия гуманитарных наук. 2016. № 5. С. 3–8.
5. Булгарин Ф. В. Журнальная всякая всячина // Северная пчела. 1848. № 36. С. 141–143.
6. Вацуро В. Э. Розен Егор Федорович // Русские писатели. 1800–1917 : Биографический словарь. Т. 5. Москва : Большая Российская энциклопедия, 2007. С. 341–344
7. Гоголь Н. В. Полное собрание сочинений и писем : в 17 т. Т. 6. Москва : Изд-во Московской патриархии, 2009. 744 с.
8. <Дудышкин С. С.> Русская литература в 1847 г. // Отечественные записки. 1848. Т. 56. № 1. С. 1–30.
9. Из архива Ф. В. Булгарина (письма к нему разных лиц) // Русская старина. 1901. Т. CV. С. 383–408.
10. Рогачевский А. Б. Масальский Константин Петрович // Русские писатели. 1800–1917 : Биографический словарь. Т. 3. Москва : Большая Российская энциклопедия, 1994. С. 539–540
11. Розен Е. Ф. Вторая неудача Уваровских наград // Северная пчела. 1859. № 7. С. 25–27.
12. Розен Е. Ф. Второе полное собрание сочинений А. Марлинского // Сын отечества. 1848. № 4. С. 10–29.
13. Розен Е. Ф. Двойная жизнь. Соч. К. Павловой // Сын отечества. 1848. № 5. С. 1–19.
14. <Розен Е. Ф.> Журнальные заметки // Сын отечества. 1847. № 8. С. 38–48.

15. Розен Е. Ф. Загородье на Полуострове (идиллия в октавах) // Сын отечества. 1849. № 1. С. 7–18.
16. Розен Е. Ф. Из статьи «Ссылка на мертвых» // А. С. Пушкин в воспоминаниях современников : в 2 т. Т. 2. Москва : Художественная литература, 1974. С. 271–278.
17. <Розен Е. Ф.> Московский литературный и ученый сборник. Статья I // Сын отечества. 1847. № 9. С. 1–16.
18. <Розен Е. Ф.> Московский литературный и ученый сборник. Статья II // Сын отечества. 1847. № 10. С. 1–22.
19. Розен Е. Ф. Ответ С. П. Шевыреву // Северная пчела. 1848. № 57. С. 227–228.
20. Розен Е. Ф. Письмо к «Москвитянину от барона Розена // Сын отечества. 1848. № 7. С. 19–31.
21. Розен Е. Ф. Поэма Н. В. Гоголя об «Одиссее» // Северная пчела. 1846. № 181. С. 722–723
22. Шевырев С. П. Выбранные места из переписки с друзьями Н. Гоголя // Москвитянин. 1848. № 1. С. 1–29.
23. Шевырев С. П. Ответы // Москвитянин. 1848. № 4. С. 105–125.

E. F. ROSEN AND THE CIRCLE OF THE “MOSKVITYANIN” MAGAZINE IN 1840s

N. V. Kuts

Gorky Institute of World Literature, Moscow

The article discusses the literary relations of Baron Egor Fedorovich Rosen – a Russian writer, translator and literary critic – with the circle of the “Moskvityanin” magazine in the second half of 1840s. It presents the analyses of Rosen’s controversy with Stepan Shevryov about the book of Nikolai Gogol “Selected Passages from Correspondence with Friends” and examines Rosen’s publications against slavophiles.

Keywords: *Rosen, Gogol, Shevryov, Khomyakov, controversy, slavophilia*

Об авторе:

КУЦ Николай Викторович – кандидат филологических наук, научный сотрудник Института мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук (121069, г. Москва, ул. Поварская, 25а, стр. 1); e-mail: nikolaikuts@yandex.ru.

About the author:

KUTS Nikolai Viktorovich – Candidate of Philology, Research Fellow, Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences (121069, Moscow, Povarskaya str., 25a/1), e-mail: nikolaikuts@yandex.ru.

Дата поступления рукописи в редакцию: 18.06.2024 г.

Дата подписания в печать: 06.09.2024 г.